

УДК 903.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-4-14-26

Окладникова Е. А.¹,
Марсадолов Л. С.²

**НАСКАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ БЫКА И ХИЩНИКА ГОРЫ КАЛБАК-ТАШ:
К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОТОЧНОСТИ ДРЕВНИХ
КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ ЕВРАЗИИ**

¹Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Наб. Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург, 193000, Россия. E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

²Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, г. Санкт-Петербург, 190000, Россия.
E-mail: marsadolov@hermitage.ru

Аннотация. В настоящей статье излагаются результаты сравнительного историко-культурного и семиотического исследования «мостов контактов» между древними цивилизациями Ближнего Востока и культурами народов Юга Сибири, изменившими облик культуры Древней Евразии в бронзовом веке и в последующие эпохи (аржанское и тагарское время). В качестве свидетельств таких контактов рассматриваются: 1) совпадения в иконографии и стилистике двух ведущих образов наскального искусства горы Калбак-Таш (Горный Алтай) – хищника и быка; 2) палеокалендарная и астрономическая семантика этих образов. Эти образы наскального искусства рассмотрены как тексты, подтверждающие наличие таких контактов.

Ключевые слова: петроглифы; эпоха бронзы; раннескифское время; культурные контакты; Саяно-Алтай; Западная Азия.

Okladnikova E. A.¹,
Marsadolov L. S.²

**ROCK IMAGES OF THE BULL AND THE PREDATOR OF MOUNT
KALBAK-TASH: INFORMATION ABOUT THE FLOWAGE
OF THE ANCIENT CULTURAL LANDSCAPES OF EURASIA**

¹ Herzen University, 48 Moika Emb., Sankt-Petersburg, 193000, Russia. E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

² State Hermitage Museum, 34 Dvorztsovaya Emb., Sankt-Petersburg, 190000, Russia. E-mail: marsadolov@hermitage.ru

Abstract. The article presents the results of the comparative historical-cultural and semiotic study of the "bridges of contacts" between the ancient civilizations of the Middle East and cultures of the peoples of Southern Siberia, which has changed the face of culture of Ancient Eurasia in the bronze age and subsequent periods (Arzhan and Tagar periods). As evidence of such contacts we consider the following: 1) similarities in iconography and style of the two leading images of rock art of mount Kalbak-Tash (Mountain Altai) – the bull and the predator; 2) paleocalendar and astronomical semantics of these images. These images of rock art are considered as texts proving the existence of such contacts.

Key words: petroglyphs; bronze age; early Scythian time; the cultural contacts; the Sayano-Altai; Western Asia.

Введение

Имеющиеся сегодня в распоряжении ученых археологические материалы не позволяют полагать, что территория древней Евразии когда-то была населена людьми, создававшими исключительно культуры-изоляты. Доказательства того, что мосты контактов (миграция населения, торговые пути, обмен идеями и изобретениями через племена-посредники) прочно связывали запад и восток Евразии – от Тихого до Атлантического океанов

– предоставлены сегодня археологическими свидетельствами. Так, физические ландшафты южной части континента, освободившиеся от ледника в начале голоцена, способствовали продвижению палеолитических охотников с северо-востока Европы на восток, в Западную Сибирь и на Алтай (в Западной Сибири стоянки: Шикаевка, Черноозерье, Волчья Грива, Венгеро, Могочино, Томская стоянка, палеолитические стоянки Прибайкалья: Мальта, Буреть, палеолит Алтая: Денисова пещера,

Кара-Бом, палеолит Забайкалья и др.), о чем писали еще В. Н. Чернецов, В. П. Алексеев, В. В. Бунак и другие. Контакты между Западом и Востоком Евразии продолжились в эпоху позднего палеолита [8], неолита и эпохи бронзы [7; 28; 27; 51, р. 353-354]. Идея о связях между древним населением Передней Азии и Западной и Южной Сибири высказывалась в разное время В. Н. Чернецовым, М. Ф. Косаревым, В. А. Могильниковым и другими учеными. Контактные зоны постепенно ко II–I тыс. до н. э. оказались соединенными торговыми путями, по которым осуществлялся регулярный обмен товарами, людьми, идеями между населением Западной Сибири, Саяно-Алтая и Переднего Востока [34; 26].

Свидетельствами того, что мосты контактов связывали Запад и Восток Евразии в VIII–VI вв. до н. э., наиболее наглядно можно проследить по двум типам памятников древней истории континента: погребальным сооружениям / курганам и скалам с петроглифами, найденным на Саяно-Алтае. Погребальные комплексы в форме монументальных курганных сооружений были характерной чертой культуры «аржанцев» в Туве, «чиликтинцев» в Казахстане, «келермесцев» в Прикубанье, киммерийцев Анатолии, «пазырыкцев» Алтая, «тагарцев» Минусинской котловины и Хакасии. Иными словами, сам факт существования мостов контактов есть свидетельство господства во многом близких друг другу систем религиозных представлений, социальных отношений, идеологических воззрений, астрономических знаний и хозяйственных практик [25; 22, с. 32].

История изучения памятников наскального искусства, открытых на просторах Евразии за Уралом, сегодня насчитывает более четырех столетий. Начало научных работ по их исследованию было положено трудами ученых XVIII в. – Д. Г. Мессершмидта, П. Палласа – и продолжается сегодня нашими современниками, участниками академических, музейных, университетских археологических экспедиций. Накопленный за это время археологический, этнографический и искусствоведческий материал, связанный с изучением наскального искусства Сибири и Горного Алтая, выявил ряд новых проблем. Одной из таких проблем является уточнение особенностей информационной проточности ландшафтов древней Евразии. Другой стала и проблема содержания культурных контактов древних

народов Евразии, т.е. проблема интерпретации смыслов информации, которая была предметом культурных обменов. Существенным вопросом информационной составляющей таких обменов стали астрономические и палеокалендарные знания в древности.

Информационная проточность ландшафтов древней Евразии и астрономические аспекты наскальных рисунков горы Калбак-Таш

Памятники наскального искусства Южной Сибири, будь то Большая Боярская писаница, петроглифы Енисея или Горного Алтая – это особый тип храмовых объектов под открытым небом. На каменных плоскостях этих комплексов тесно соседствуют рисунки разных исторических эпох, начиная с неолита и кончая нашим временем. В наскальном искусстве Горного Алтая также выделяются несколько очень ярких пластов петроглифов, которые мы можем соотнести с культурами эпохи бронзы и раннего «скифского» времени. Особо почитаемые места, которыми в древности в бассейнах крупных сибирских рек (Енисея, Томи, Ангары, Лены), рек Горного Алтая (Чуи, Катунь) были места скопления наскальных рисунков (Большая Боярская писаница, Мугур-Саргол, Ленские скалы, писанины Ангарских островов, Томская писаница, грот Кунос, гора Калбак-Таш) и погребальные комплексы, наиболее яркими из которых были курган Аржан, Пазырыкские курганы, курган Салбык, имели статус святилищ [11; 22]. Курганы, такие как Салбык, который до раскопок С. В. Киселёва имел форму пирамиды, внешне напоминали архетипический образ священной горы – места обитания богов. Наскальные рисунки, как правило, наносились на нижних склонах горных отрогов. Места расположения камней с рисунками считались священными, и взаимодействие с ними осуществлялось с соблюдением множества ритуалов и запретов [39].

Гора Калбак-Таш – это уникальный памятник наскального искусства Горного Алтая, представляющий собой храм под открытым небом. Это гора на берегу реки Чуи, образующая прижим к реке или по-алтайски – *бом*, покрытый наскальными рисунками разных эпох. Калбак-Таш – многослойный археологический объект, созданный мастерами разных эпох, начиная от эпохи неолита и до древнетюркского времени. Репертуар сюжетов этого памятника

отличается многообразием и представлен тремя крупными группами образов: зооморфной, антропоморфной и геометрической. Наиболее ранние пласты изображений появились в эпоху позднего неолита (крупные изображения оленей), а также энеолита. Это так называемые решетчатые фигуры [38]. В эпоху бронзы сюжеты рисунков стали более разнообразными. Они оказались представленными многофигурными сценами с фигурами людей в грибовидных головных уборах, мужскими изображениями с посохами и овальными предметами около пояса, колесницами, животными с декорированными телами и изображениями хищников синкретической природы [37; 40; 38; 16; 15; 17; 18].

Образ быка с «декорированным» туловом.

В эпоху бронзы под влиянием контактов с цивилизациями Ближнего Востока облик древних культур Сибири претерпевает значительные изменения [32; 31; 14; 6; 41]. Среди рисунков эпохи бронзы на горе Калбак-Таш появляется новый сюжет – изображения быков с декорированными телами. Появление этого сюжета в качестве маркирующего признака петроглифов эпохи бронзы на Юге Сибири и в Центральной Азии [32] ознаменовало факт становления новой парадигмы наскального искусства бронзового века евразийского континента (термин Д. Г. Савинова), а также сложение особой «культурной галактики» (термин Е. А. Окладниковой). В любом случае, изображения быков с декорированными кругами и сеткой пересекающих линий телами служит маркером конкретного «иконографического горизонта» (термин В. И. Ковтуна), «культурно-хронологического пласта памятников» (термин Л. С. Марсадолова) и определенного «ареала

культуры» (термин А. Крёбера–К. Уисслера) эпохи бронзы на территории Евразии.

Изображения быков с декорированными туловищами известны на памятниках эпохи бронзы в разных регионах: на петроглифах из Чуллута в Монголии [32; 33], на стелах и каменных изваяниях Хакасии [42], среди наскальных рисунков Минусинской котловины [16], Енисея [20, с. 58], в Туве [9, с. 35, рис. 3; 10, с. 163-171, рис. 8-10; 12, с. 161, рис. 1] и на других местонахождениях.

Особенностями изображений быков в памятниках наскального искусства юга Сибири и Центральной Азии являются: 1) принадлежность их к разным историческим этапам; 2) постепенная смена образов диких быков домашними; 3) композиционное сочетание сюжетов (например, бык и ритуальный предмет); 4) синкретизм образов (быки имеют фантастический, мифологизированный облик). Об этом свидетельствуют: а) сочетание в рисунках тел быков с рогами другого вида животных (например, оленя); б) ассоциация образа быка с идеей «мирового дерева»; в) астральная маркировка туловища быков: тела быков на скалах декорировались знаками-метафорами палеокалендаря [35].

Образ хищника на территории Евразии.

На центральном панно горы Калбак-Таш, обращенном на юго-запад, в эпоху бронзы был выбит крупный по размерам рисунок фантастического зверя с массивным туловищем, открытой пастью с острыми зубами, большим округлым глазом, двумя приподнятыми ушами, двумя согнутыми ногами с длинными когтями, большим хвостом, поднятым над спиной и разделенным на десять или более частей (рис. 1: 2); [37; 17 и др.].

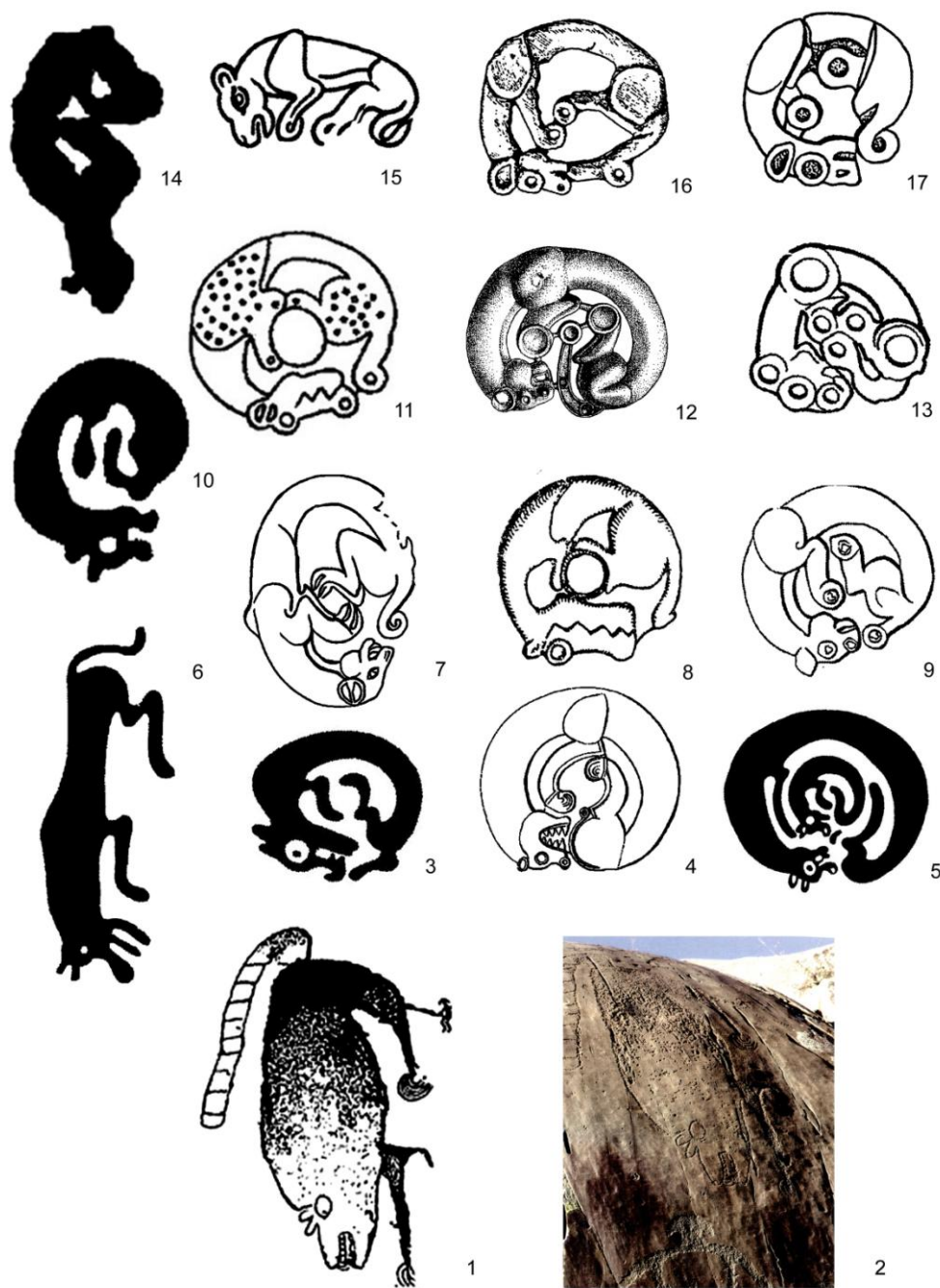

Рис. 1¹. Стилистические аналогии изображениям хищника и «хищника, свернувшегося в кольцо»: 1а и 1б – изображения на каменных стелах из Гёбекли-Тепе, Турция, 2 – петроглифы из Калбак-Таша, Алтай; 3, 4, 6, 10 – рисунки на «оленных» камнях около пос. Аржан, Тува; 5 – бронзовая бляха из кургана Аржан-1, Тува; 7, 9 – золотые бляшки из Майэмирского «клада», Западный Алтай; 8, 15 – роговые бляшки из кургана Тигей, Хакасия; 11 – роговая бляшка из м-ка Туран II, к. 5, м. 2, Хакасия; 12 – золотая бляха из Сибирской коллекции Петра I; 13 – золотая бляшка из Чиликты, к. 5, Казахстан; 14 – рисунок на каменной плите из Большого Салбыкского кургана, Хакасия; 16 – бронзовая бляха из м-ка Уйгарак, к. 33, Средняя Азия; 17 – бляшка из м-ка Ашпыл, к. 23, Южная Сибирь. Масштаб и поворот рисунков различные.

Fig. 1. Stylistic analogies and images of the predator and "the curled up predator". Scale and rotation of images are different

¹ Составлено Л.С. Марсадаловым по материалам: 1а – http://paranormal-news.ru/_nw/90/18288604.jpg; 1б – по К. Schmidt [53, resim 102]; 2 – по В. Д. Кубареву [17, рис. 452]; 3, 4, 6, 10 – по Л. С. Марсадалову [24, рис. 3 и 4]; 5, 8, 11, 15-17 – по В. Н. Седых, Л. С. Марсадалову [46, рис. 3]; 7, 9 – по Л. Л. Барковой [1, рис. 3]; 12 – по Е. С. Богданову [2, табл. VI]; 13 – по С. С. Черникову [48, табл. XVI]; 14 – по Л. С. Марсадалову [22, рис. 44].

Рассмотрим ряд археологических аналогий образу фантастического хищника горы Калбак-Таш разных исторических периодов. В публикациях, как и в реальности, тело этого фантастического зверя представлено в вытянутом положении. Вертикальное расположение рисунка тела фантастического хищника на поверхности скалы, загнутый и закинутый на спину толстый хвост животного, угрожающая крадущаяся поза стилистически и композиционно связывают его с изображением хищника кошачьей породы на стенах храмового комплекса Гёбекли-Тепе (Юго-Восточная Турция), датированным неолитом (рис. 1: 1) [50].

Бляшки с изображением свернувшегося хищника – относительно редкая находка в тагарских курганах, хотя в целом этот образ был довольно широко распространен на территории Евразии [1; 4; 24; 2 и др.]. Некоторые исследователи тагарских древностей считают, что мотив изображения хищника, вписанного в круг, появляется в Минусинской котловине в VI в. до н. э., но быстро исчезает [49, с. 118-119, 159-160]. Этот довольно спорный вывод не подтверждается находками из курганов в Тигее, Туране, Ашпыле, Колоке (рис. 1) и другими памятниками [46].

Стилистически и хронологически наскальное изображение хищника из Большого Салбыкского кургана (рис. 1: 14), с одной стороны, занимает промежуточное положение между более ранними образами VIII в. до н. э. из Аржана-1, «оленными» камнями из Аржана, Майэмирского клада, (рис. 1: 3-6, 9-10), а с другой стороны, с аналогиями из Чиликты-5, Келермеса и Уйгарака, относящимися к концу VIII-VII вв. до н. э. (рис. 1: 13, 16).

Похоже, что салбыкский образ пантеры наиболее близок к майэмирским. Из Майэмира происходят семь золотых пластин, составляющих, вероятно, единый комплект украшения конской узды. Угол изгиба спины, оформление глаза, уха, тела, окончания лап и хвоста у зверей на этих пластинах отличаются в деталях [1; 23]. В пятом Чиликтинском кургане (к. 5) было найдено 29 золотых бляшек в виде свернувшегося в кольцо хищника-пантеры с головой, повернутой вправо или влево. Глаз, ухо, ноздря, лопатка, бедро, окончания лап и хвоста хищников переданы круглыми углублениями-кольцами [48, с. 34-36]. Чиликтинские бляшки относятся к более

позднему времени, чем майэмирские, и могут быть датированы концом VIII – первой половиной VII в. до н. э. [21; 23].

К аржанско-майэмирско-туранской традиции восходит передача пасти с острыми зубами, а к аржанско-майэмирско-чиликтинско-уйгаракско-ашпыльской – «кольчатое» окончание хвоста, носа и лап (рис. 1). Тигейские бляшки имеют разную величину. На бляшке большего размера голова зверя изображена крупной, с округлым ухом и оскаленной пастью, форма плеча резко подчеркнута, хвост и небольшие лапы подогнуты (рис. 1: 8). На бляшке меньшего размера окончание хвоста и ноздри хищника показаны несколько по-иному – «кольцом» (рис. 1: 15). Возможно, что эти предметы являлись деталью конской уздечки или частью пояса. По сравнению с майэмирскими, чиликтинскими и даже уйгаракскими изображениями бляшки из Тигея более стилизованы. Наиболее близкие аналогии по стилистическим признакам бляшки из Тигея имеют в памятниках тагарской культуры – Туран, Ашпыл (рис. 1: 8, 11, 17), Бейское городище, Тагарское озеро [46]. Бляшки с изображением хищников из Тигея, Турана и Ашпыла можно датировать VII в. до н. э. или, вероятно, первой половиной VII в. до н. э.

Семантика образов. В памятниках наскального искусства особый интерес с точки зрения семантики изображений представляют быки с декором в виде кругов на телах. Изображения быков на горе Калбак-Таш, исполненные в «негативной технике» [10, с. 165], т.е. выбивкой сплошным силуэтом, украшены восемью, девятью и двенадцатью окружностями. Эти рисунки имеют ярко выраженный символический характер (рис. 2). На телах быков центрального панно в технике высокого рельефа обозначены восемь, девять или двенадцать выпуклых окружностей (рис. 2). Кроме того, на плоскости скалы центрального панно Калбак-Таш располагается изображение крупного животного с длинным хвостом, рогами с отростками, напоминающими оленьи; с телом, орнаментированным кругами и полуокружностями, вписанными в систему ромбовидных и треугольных фигур, зигзагообразных линий (рис. 2: 6).

Рис. 2¹. Изображения и знаки с Алтая и Передней Азии:
1, 3-6 – наскальные рисунки быков; святилище Калбак-Таш, Алтай;
2 – настенная панель с «глазным орнаментом». Ниневийский период.
Fig. 2. Pictures and signs from the Altai and Southwest Asia

¹ По материалам: 1 – по В. Д. Кубареву [17, фото 77]; 2 – по А. М. Смирнову [47, рис. 6]; 3-6 – фотографии Е. А. Окладниковой, 2008 г.

На горизонтальных плоскостях северо-западного склона горы располагаются выбитые изображения быков, обращенные головами на восток, повернутые ногами друг к другу. Их тела расчерчены сеткой параллельных и пересекающихся линий с вписанными в них окружностями (рис. 2: 1). Среди них выделяется изображение быка с рогами, обращенными вперед, длинным хвостом, с телом, декорированным девятью окружностями (рис. 2: 3). На спинах ряда быков изображена поклажа в форме прямоугольника. На внутренней поверхности одного из контурных рисунков быка (с поклажей на спине, которого за повод ведет человек) видны выбитый круг и два пятна треугольных очертаний в нижней части [17, рис. 43, а также 449, 451 и др.].

Обсуждение результатов исследования

Свидетельством постоянно действовавших на протяжении тысячелетий мостов контактов между западом и востоком древней Евразии являются наскальные рисунки горы Калбак-Таш на Горном Алтае. Материалы двух крупных памятников Южной Сибири – кургана-храма Салбык и святилища Калбак-Таш – предоставляют сегодня прекрасную возможность затронуть тему проточности ландшафтов древней Евразии с целью обозначить некоторые мосты контактов, существование которых подтверждается наличием иконографических, композиционных и стилистических совпадений в произведениях наскального искусства. Эти совпадения, выявленные в произведениях наскального искусства горы Калбак-Таш на *синхронном* (изображения аналогичных хищников в искусстве ближнего Востока и Передней Азии) и *диахронном* уровнях (анalogии в искусстве Хакасии, Минусинской котловины и Монголии), связывают искусство Запада и Востока Евразийского континента в эпоху бронзы и в тагарское время. Этот сюжет наскального искусства можно рассматривать как транслятор духовных воззрений, мировоззренческих постулатов, а также ранних форм научных знаний (например, астрономических) и связанных с ними технических изобретений между культурами Ближнего Востока и Южной Сибирию.

В разной степени хронологически обусловленной интенсивности контактов с ранними земледельческими цивилизациями запада Евразии (Ближний Восток) постепенно складывались фундаментальные основы и для единой кочевой культуры народов Евразии. Хакасия и Минусинская котловина, расположенные в средней части бассейна реки Енисей, уникальны с точки зрения

природных и историко-культурных особенностей этого региона. В эпоху энеолита и ранней бронзы в Минусинской котловине возникло искусство, наполненное фантастическими образами, семантика которых и в настоящее время – область гипотез, догадок и предположений. Историко-культурная и художественная ценность этих памятников, раскрывающих глубины самобытного мировоззрения их создателей, настолько велика, что Минусинскую котловину назвали «культурным оазисом, подобным очагам древних цивилизаций» [43, с. 6], «уникальным сакральным центром» [29, с. 265], «музеем под открытым небом или заповедником древнего мира» [3, с. 484] и т. п.

Не менее яркой была и тагарская культура, в основном представленная художественными изделиями из бронзы и наскальными изображениями. На сегодняшний день в хранилищах и на экспозициях Абаканского и Минусинского музеев, а также Государственного Эрмитажа, Государственного исторического и других музеев находятся тысячи объектов монументального и прикладного искусства эпохи бронзы и тагарского времени древней Хакасии.

Салбыкская курганная архитектура (VIII–III вв. до н. э.) синхронна по времени с такими крупными цивилизационными феноменами, как высокоразвитые рабовладельческие государства на *востоке* Евразии (Китай и Индия) и на *западе* (Греция, Ассирия, Вавилон).

Люди, создававшие эти государства, обладали высокой духовной, хозяйственной и организационной культурой, особыми религиозными представлениями, довольно высокими техническими и сакрально-научными знаниями, которые и формировали их «картину мира». Цивилизационные центры соседствовали с пространствами, населенными кочевниками и охотниками, которые находились в постоянном торговом и военном контактах с миром оседлых цивилизаций того времени. Мир кочевников Евразии обладал своими могущественными правителями и мудрецами. В это время жили Будда, Конфуций, Пифагор, Сократ, Платон, Аристотель, Гомер, а также Саргон II, Навуходоносор II, Мидас, Кир, Дарий, Перикл, Филипп и Александр Македонские. Использование коня в качестве колесничного и верхового животного значительно ускорило и расширило коммуникации племен с различным уровнем социальной, политической и экономической организации. Великий степной путь Евразии, как сумма взаимосвязанных региональных «эстафетных путей», возникших в эпоху бронзы и функционировавших позднее, способствовал широкому распространению

жизненно важных мировоззренческих идей, гармоничных художественных образов, передовых изобретений в технике, вооружении, конском снаряжении и т.п. [26].

Важным свидетельством наличия постоянного обмена идеями между населением рабовладельческих цивилизационных центров Евразии и кочевой периферии является стремительное изменение социально-политических отношений в их обществе, что выразилось в создании кочевых объединений, союзов племен, своеобразных ранних форм кочевых «империй» и государств. Доказательством единства кочевого мира древней Евразии было распространение так называемого «звериного стиля» как универсальной системы символов реальной и сакральной действительности, отраженной в образах хищных зверей, копытных животных, птиц, рыб, змей и различных мифических образов [22].

Вероятно, что в эпоху перехода от присваивающих к производящим формам хозяйства на Ближнем Востоке сложился угрожающий образ Владыки Вселенной – символ агрессивной, тиранической, «темной» стороны социальной власти [52]. По древним системам торговых путей вместе с материальными ценностями, широким спектром технологий материальной, социальной и духовной культуры, идеями и образами этот зооморфный символ проник на Юг Сибири и реплицировался во времени и пространстве. Особо широкое распространение этот образ, но уже наделенный синкретическими мифологическими чертами, приобрел на петроглифах и изваяниях Хакасии эпохи бронзы [36].

Композиционная особенность синкретичного образа Калбак-Ташского хищника заключается еще и в том, что на скальной поверхности он располагается на округлой вершине одного из скальных выступов, и наблюдатель снизу видит его в полусогнутом положении, что хорошо запечатлено на фотографиях. Не исключено, что такой образ также может рассматриваться как один из ранних прототипов для эволюционного развития более позднего по времени образа свернувшегося хищника (рис. 1). При этом архаическая потестарно-агрессивная символика образа, рожденная еще в недрах идеологии обществ охотников и собирателей Ближнего Востока, сохраняется. Свернувшийся хищник продолжает восприниматься ранними кочевниками Южной Сибири как аллоформа агрессивного, «темного» начала не только Космоса, но и социума. Прототипами для изображений свернувшегося хищника ранее разные археологи

считали два основных региона – Переднюю Азию или Китай. Постепенно накапливается всё больше фактов об еще одном большом регионе – Центральной Азии (Алтае, Туве, Монголии и Хакасии). В целом вопрос о прототипах всегда довольно сложен и многоаспектен. В соответствии с темой, затронутой в данной статье, в будущем стоит более подробно рассмотреть возможные ранние прототипы эпохи бронзы для более поздних изображений свернувшегося хищника.

Под влиянием культур эпохи бронзы юго-запада Евразии (включая влияние Ближнего Востока, охватившее Западную Сибирь и Среднюю Азию) и юго-востока (Древняя Индия, Древний Китай) в наскальном искусстве появляется много новых сюжетов. Вместе с технологиями производящего хозяйства и скотоводством как на север, так и на юг Сибири распространились способы счисления времени, известные астрономам и астрологам Ближнего Востока, то есть идеи палеокалендаря, которые и нашли выражение в декорированных кругами телах быков горы Калбак-Таш. Сюжет быка с декорированным туловищем оказался среди петроглифов Центральной Азии и Южной Сибири не случайно. Его широкое распространение можно рассматривать как свидетельство культурной традиции ближневосточного происхождения, которая, став канонической, охватила огромные территории кочевого мира Евразии. Большинство изображений быков – это контурные рисунки или рисунки, сделанные выбивкой «сплошным» силуэтом. Рисунки быков располагаются как на вертикальной плоскости центрального панно горы Калбак-Таш, так и на горизонтальных плоскостях северо-западного склона.

Астрономическая подоснова образов быков из Калбак-Таша выражается в соединении образов животных с солярно-лунарными символами, что свидетельствует об их связи с мифом о небесном, божественном. Такой бык, согласно древнеиранской и древнеиндийской мифологическим традициям, ассоциирован с образом лунного божества [16, с. 52]. В. Д. Кубарев писал о рисунках быков с декорированными телами горы Калбак-Таш: «Их туловища покрыты округлыми пятнами, лучевидно-звездчатыми знаками, поперечными и вертикальными полосами, перекрещивающимися на отдельных фигурах» [16, с. 51]. Подходы к интерпретации кругов декора тел быков мы можем найти, например, в астрологических трактатах старовавилонских библиотек (библиотека Ашшурбанипала) [44]. Старовавилонские астрологи вели регулярные

наблюдения за Солнцем, Луной и Венерой. Цель таких наблюдений – предсказания о судьбах царей, о судьбах страны в целом. Например, на стенах храмов наносились орнаментальные композиции, центральным элементом которых был круг, по форме аналогичный кругам на телах быков горы Калбак-Таш (рис. 2: 2). Тела других священных быков декорировались розетками – астральными символами (рис. 2: 5). Основными астральными символами древней Месопотамии были Солнце и Луна. Изображения быков с ритуальными предметами (священная ладья, храм и поклажа на спине) сохранились на печатях из Урука; с декорированными телами и поклажей – на зооморфных сосудах из Ярым-Тепе II, Ирак, VI тыс. до н. э. [30].

Такие геометрические знаки-символы как окружность, концентрические круги, вписанные друг в друга, окружность с точкой в центре чаще всего являются символами Солнца, но иногда и Луны, в зависимости от контекста памятника. Круг, нанесенный сплошной выбивкой на тела быков в Калбак-Таше, вероятно, был символом Луны, а изображенный в виде полой окружности – Солнца (по Е. А. Окладниковой). Двенадцать кругов на теле быка могут означать двенадцать месяцев года, а семь (восьмой выбит нечетко) – дни недели. Восемь кругов на теле быков могут символизировать восемь месяцев года (плюс пять дней), которые Венера остается невидима для глаза наблюдателя, о чем писал В. Е. Ларичев: «Над проблемой совмещения циклов их оборотов жрецы-астрономы Аммицадуки раздумывали, очевидно, много времени. Они знали, что явления Венеры начинают повторяться через восемь лет и отдавали себе отчет в кратности пяти синодических оборотов планеты восьми тропическим годам, а значит и в соответствии того и другого периодов 99 лунным месяцам. Недаром восьмой год правления Аммицадуки выделялся в тексте особо и назывался весьма знаменательно – Годом Золотого трона. Солнце, Луна и Венера представлялись жрецам воплощениями богов, влияющих на всю земную жизнь. В этой астральной религии и находила питательную почву старовавилонская астрология» [19, с. 14].

Появление восьми кругов на телах быков на рисунках горы Калбак-Таш заставляет вспомнить о том, что вавилонские жрецы использовали не традиционные (тропический год, синодический лунный месяц) единицы счета времени. В. Е. Ларичев отмечал: «Учет ими синодического цикла обращения Венеры А. Паннекук оценивал как верный показатель более высокой ступени развития астрономических знаний, чем та, что требуется при установлении месячной и годовой цикличности [19, с. 14].

Не исключено, что часто встречаемые в Калбак-Таше девять кругов на туловищах быков могут быть интерпретированы и как девять месяцев, связанных с рождением нового маленького бычка, что прослеживается по размерам копытных животных (рис. 2: 1). Девять полных круглых месяцев-полнолуний равны периоду беременности коровы и женщины.

Калбак-Таш является не единственным памятником, в котором оказались запечатлены древние астрономические представления и идеи счисления времени. Приемы счисления времени создателей Большого Салбыкского кургана и «авторов» рисунков Калбак-Таш, судя по изображениям быков с декорированными телами, как нам представляется, имеют много общего с приемами мифологизации времени населением Ближнего Востока (палеокалендари древней Месопотамии и палеоастрономия Вавилонского царства).

Заключение

Наскальные композиции горы Калбак-Таш с образами фантастического хищника и быков с декорированными туловищами эпохи бронзы можно интерпретировать как тексты, подтверждающие ранее высказанные С. И. Руденко, М. П. Грязновым, Е. И. Лубо-Лесниченко, Н. П. Матвеевой, Л. Н. Коряковой, В. А. Могильниковым, В. И. Матюшенко, Л. С. Марсадаловым, Е. А. Окладниковой идеи о торгово-обменных связях населения Западной и Южной Сибири (включая Саяно-Алтай) с государствами Востока.

«Мосты контактов», которые связывали население Евразии на протяжении тысячелетий, начиная с палеолита, в неолите, бронзовом веке, раннем железном веке и позднее были древними караванными дорогами, проходившими от Арала через Тобол и Иртыш до низовий Иртыша, и от районов Саяно-Алтайского нагорья по Томи и Чулыму в сторону Нарымского Приобья.

Изделия парфянского, греко-бактрийского, хорезмийского производств южного происхождения по этим путям распространялись до пределов Западносибирской тайги и Саяно-Алтая. Так же, как и сюжеты фантастического хищника и быка с декорированным туловищем в наскальном искусстве эпохи бронзы Горного Алтая, эти археологические артефакты являются свидетельствами несомненных контактов населения этого региона с южными странами – Передней Азией и Ближним Востоком.

О распространении с территории Двуречья начальных астрономических знаний и практиках счисления времени, которые были известны

древним скотоводам Евразии, писал еще один из авторов теории панавилонизма Гуго Винклер [5]. Не стоит исключать и сибирскую составляющую астрономических знаний, начиная с эпохи палеолита [19]. Сегодня археологические данные, в частности, исследование образов быков с декорированными телами горы Калбак-Таш, могут быть рассмотрены как свидетельства наличия и интенсивного функционирования древних транс-Евразийских мостов контактов. По этим мостам контактов в эпоху бронзы из Передней Азии и Ближнего Востока по югу Евразии могли распространиться астральная мифология, ритуалы, технологии счисления времени. Эти практики духовной культуры распространялись вместе с такими элементами материальной культуры бронзового века как металлургия, колесница, а также вместе с наскальным искусством: образами людей в лучистых головных уборах, колесницами, быками с декорированными телами и поклажей на спине и др.

Совершенно не обязательно, чтобы новые символы, идеи и знания внедрялись какими-то группами мигрантов из Передней Азии или Ближнего Востока. Распространение информации могло происходить «эстафетным путем» при помощи большого числа посредников, контакты между которыми поддерживали информационную проточность ландшафтов древней Евразии и формировали новые культурные миры.

Работа выполнена при поддержке Российского Научного Фонда (проект № 14-18-02785).

Литература

1. Баркова, Л.Л. Изображения свернувшихся хищников на золотых пластинах из Майэмира // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 24. Л.: Искусство, 1983. С. 20–31.
2. Богданов, Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 240 с.
3. Вайнштейн, С.И. Романтика и трагедия в судьбе Альберта Николаевича Липского // Репрессированные этнографы. М.: Наука, 2003. С. 455–492.
4. Васильев, С.А. К вопросу о происхождении сюжета «хищник, свернувшийся в кольцо» в скифском зверином стиле. Каталог изображений. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 80 с.
5. Винклер, Г. Вавилонская культура в ее отношении к культурному развитию человечества. М.: Фарос, 1913. 170 с.
6. Грушин С.П. Культура населения эпохи ранней бронзы лесостепного Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 24 с.
7. Гумилев, Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М.: АСТ, 2004. 606 с.
8. Деревянко, А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 560 с.
9. Дэвлет, М.А. Древнейшие антропоморфные изображения Южной Сибири и Центральной Азии // Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск, 1992. С. 29–43.
10. Дэвлет, М.А. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). М.: Памятники исторической мысли, 1998. 287 с.
11. Дэвлет, М.А. Священные места и их символы // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2001. С. 227–229.
12. Килуновская, М.Е. Быки Кара-Булуна // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы всероссийской научной конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 159–163.
13. Косарев, М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 276 с.
14. Косарев, М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.
15. Кубарев, В.Д. Калбак-Таш II: Памятник наскального искусства Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007 г. Т. XIII. Ч. I. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 282–287.
16. Кубарев, В.Д. Образ быка в петроглифах Алтая // Первобытная археология. Человек и искусство. Сб. науч. трудов, посвященный 70-летию со дня рождения Якова Абрамовича Шера. Новосибирск, 2002. С. 48–53.
17. Кубарев, В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I. (Российский Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 444 с.
18. Кубарев, В.Д., Маточкин, Е.П. Петроглифы Алтая. Новосибирск: Наука, 1992. 123 с.
19. Ларичев, В.Е. Заря астрологии: зодиак троглодитов, Луна, Солнце и «блуждающие звезды». Новосибирск: Наука, 1999. 320 с.
20. Леонтьев, Н.В. К вопросу о хронологии петроглифов Минусинской котловины // Проблемы изучения окуневской культуры. Вып. I. СПб.: Наука, 1995. С. 57–58.
21. Марсадоллов, Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н. э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): Автореф. дис. ... доктора культурологии. СПб., 2000. 56 с.
22. Марсадоллов, Л.С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2010. 128 с.
23. Марсадоллов, Л.С. О дате Майэмирского «клада» на Западном Алтае // Клады. Состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 217–221.

24. Марсадоллов, Л.С. «Оленные» камни из поселка Аржан в Центре Азии // *Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского.* Сб. статей. М.: Институт археологии РАН, 2005. С. 301–311.

25. Марсадоллов, Л.С. Палеоастрономические, метрологические и религиозные аспекты больших курганов и святилищ Южной Сибири в I тыс. до н. э. // *Астроархеология – естественнонаучный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии.* Сб. науч. статей. Красноярск: Изд-во «Город», 2009. С. 59–72.

26. Марсадоллов, Л.С. Художественные образы и идеи на Великом степном пути Евразии в IX–VII вв. до н. э. // *Международная конференция по первобытному искусству.* Кемерово, 3–8 авг. 1998. Тезисы докладов. Кемерово: КемГУ, 1999. Т. 1. С. 152–163.

27. Массон, В.М. Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии // *Stratum plus. Археология и культурная антропология.* 1999. № 2. С. 265–285.

28. Матющенко, В.И. Западная Сибирь и Саяно-Алтайское нагорье в эпоху неолита и бронзы // *Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР.* Новосибирск: Наука, 1988. С. 45–49.

29. Мачинский, Д.А. Уникальный сакральный центр III – середины I тыс. до н. э. в Хакасско-Минусинской котловине // *Окуневский сборник.* СПб.: Наука, 1997. С. 265–287.

30. Мерперт, Н.Я., Мунчаев, Р.М. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии // *Советская археология.* 1971. № 3. С. 141–169.

31. Молодин, В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

32. Новгородова, Э.А. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.

33. Новгородова, Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. М.: Наука, 1970. 189 с.

34. Окладникова, Е.А. Культурные контакты древней Евразии: виды и артефакты (к вопросу о палеоглобализации) // *Номо Eurasicus в системах социальных коммуникаций: VI Всероссийская научно-практическая конференция: коллективная монография.* М.: Директ-Медиа, 2015. С. 145–204.

35. Окладникова, Е.А. Палеокалендарный аспект петроглифов горы Калбак-Таш (Горный Алтай) // *Шестые Берсовские чтения.* Екатеринбург: Изд-во «КВАДРАТ», 2011. С. 171–178.

36. Окладникова, Е.А. Петроглифы горы Калбак-Таш (Горный Алтай): изображения фантастического хищника // *Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения.* Сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского. Вып. 3. Томск: ТГУ, 2013. С. 267–272.

37. Окладникова, Е.А. Петроглифы Калбак-Таша // *Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук.* 1981. № 11. Вып. 3. С. 61–64.

38. Окладникова, Е.А. Решетчатые фигуры горы Калбак-Таш (Горный Алтай) // *Археология, этнография и антропология Евразии.* Новосибирск. 2011. № 3 (47). С. 120–127.

39. Окладникова, Е.А. Сакральный ландшафт: теория и эмпирические исследования. М.–Берлин: Директ-Медиа, 2014. 230 с.

40. Окладникова, Е.А. Тропую Когульдея. Ленинград: Лениздат, 1990. 189 с.

41. Погожева, А.П., Рыкун, М.П., Степанова, Н.Ф., Тур, С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул: Азбука, 2006. 234 с.

42. Савинов, Д.Г. О стиле «тощих быков» в окуневской изобразительной традиции // *Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции.* Материалы тематической науч. конф. СПб.: Элексис Принт, 2004. С. 246–254.

43. Савинов, Д.Г., Подольский, М.Л. Введение // *Окуневский сборник.* СПб.: Наука, 1997. С. 5–6.

44. Святополк-Четвертынский, И.А. Шумеровавилонский календарь и символика жертвоприношений // *Астрономия древних обществ.* М.: Наука, 2002. С. 129–134.

45. Седых, В.Н. О памятниках изобразительного искусства эпохи ранних кочевников из Абаканской степи // *Евразия сквозь века.* Сб. науч. трудов, посвященный 60-летию со дня рождения Дмитрия Глебовича Савинова. СПб.: Филол. ф-тет СПбГУ, 2001. С. 133–136.

46. Седых, В.Н., Марсадоллов, Л.С. О возможных прототипах тагарских бронзовых наверший // *Теория и практика археологических исследований.* Вып. 5. Барнаул: Изд-во Азбука, 2009. С. 101–110.

47. Смирнов, А.М. Сюжет «загон для скота и животные» на энеолитических стелах Причерноморья: вариант аналогий и интерпретации // *Stratum plus.* 2000. № 2. С. 571–583.

48. Черников, С.С. Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». М.: Наука, 1965. 189 с.

49. Членова, Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.

50. Шмидт, К. Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гёбекли Тепе. СПб.: Алетея, 2011. 540 с.

51. Lamberg-Karlovsky, C. C. The Oxus civilization: The Bronze Age of Central Asia // *Antiquity.* 1994. Vol. 68. No. 259. P. 353–354.

52. Okladnikova, E. Paleoglobalization: the symbolism of prosperity and evil in rock art of Ancient Eurasia // (2015) <https://www.academia.edu/19871924/>

53. Schmidt, K. Göbekli Tepe. En Eski Tapınağı Yapanlar. Çev. Rüstem Aslan. Istanbul, Arkeoloji ve Sanat Yayınlan, 2007. 320 p.

References

1. Barkova, L. L. Images of Curled Predators on the Golden Plates from Mayemira (in Russ.). *Arkheologicheskii sbornik (The State Hermitage Museum).* Iss. 24. Leningrad: Iskusstvo, 1983. Pp. 20–31.

2. Bogdanov, E. S. *The Image of a Predator in the Plastic Art of the Nomadic Peoples of Central Asia (Scythian-Siberian Artistic Tradition).* Novosibirsk: Publishing house of IAE SB RAS, 2006. 240 p. (in Russ.)

3. Vainshtein, S. I. Romance and Tragedy in the Life of Albert N. Lipsky. (in Russ.) *The Repressed Ethnographers*. Moscow: Nauka, 2003. Pp. 455-492.
4. Vasiliev, S. A. *On the Origin of the Plot "The Coiled Predator" in the Scythian Animal Style*. Catalogue of Images. St. Petersburg: Publishing house of the St. Petersburg State University, 2000. 80 p. (in Russ.)
5. Vinkler, G. *Babylonian Culture in its Relation to the Cultural Development of Mankind*. Moscow: Faros, 1913. 170 p. (in Russ.)
6. Grushin S. P. *The Culture of the Population of the Early Bronze Forest-Steppe Altai*: Thesis of Diss. ... Candidate of Historical Sciences. Barnaul, 2002. 24 p. (in Russ.)
7. Gumilyov, L. N. *Rhythms of Eurasia: Epochs and Civilizations*. Moscow: AST, 2004. 606 p. (in Russ.)
8. Derevyanko, A. P. *Upper Paleolithic in Africa and Eurasia, and the Formation of Anatomically Modern Human*. Novosibirsk: Publishing house of IAE SB RAS, 2011. 560 p. (in Russ.)
9. Devlet, M. A. The Most Ancient Anthropomorphic Images of Southern Siberia and Central Asia. (in Russ.) *Cave Paintings of Eurasia*. Novosibirsk, 1992. Pp. 29-43.
10. Devlet, M. A. *Petroglyphs at the Bottom of the Sayan Sea (Aldy-Mozaga Mountain*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 1998. 287 p. (in Russ.)
11. Devlet, M. A. Sacred Places and Their Symbols. (in Russ.) *Cultural Space in Archaeological and Ethnographic Dimension*. Tomsk, 2001. Pp. 227-229.
12. Kilunovskaya, M. E. Kara-Bulun Bulls. (in Russ.) *The Ancient Cultures of Central Asia and St. Petersburg*. St. Petersburg: Kult-inform-press, 1998. Pp. 159-163.
13. Kosarev, M. F. *The Bronze Age in Western Siberia*. Moscow: Nauka, 1981. 276 p. (in Russ.)
14. Kosarev, M. F. *The Ancient History of Western Siberia: The Man and the Natural Environment*. Moscow: Nauka, 1991. 302 p. (in Russ.)
15. Kubarev, V. D. Kalbak Tash II: Monument of Altai Rock Art. (in Russ.) *Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology in Siberia and Adjacent Territories*. Vol. XIII. Part. I. Novosibirsk: Publishing house of IAE SB RAS, 2007. Pp. 282-287.
16. Kubarev, V. D. The Image of the Bull in the Altai Petroglyphs. (in Russ.) *Prehistoric Archaeology. Man and the Arts*. Novosibirsk, 2002. Pp. 48-53.
17. Kubarev, V. D. *Petroglyphs of Kalbak Tash I. (Russian Altai)*. Novosibirsk: Publishing house of IAE SB RAS, 2011. 444 p. (in Russ.)
18. Kubarev, V. D. and Matochkin, E. P. *Altai Petroglyphs*. Novosibirsk: Nauka, 1992. 123 p. (in Russ.)
19. Larichev, V. Ye. *The Dawn of Astrology: Zodiac of Troglodytes, the Moon, the Sun and the "Wandering Stars"*. Novosibirsk: Nauka, 1999. 320 p. (in Russ.)
20. Leontiev, N. V. On the Question of Chronology of the Petroglyphs of Minusinsk Depression. (in Russ.) *Problems of Studying of Okunev Culture*. Iss. I. St. Petersburg: Nauka, 1995. Pp. 57-58.
21. Marsadolov, L. S. *Archaeological Monuments of the IX-III Centuries BC in the Altai Mountain Areas as a Cultural-Historical Source (Pazyryk Culture Phenomenon)*: Thesis of Doctor Diss. in Cultural Studies. St. Petersburg, 2000. 56 p. (in Russ.)
22. Marsadolov, L. S. *Large Salbyk Mound in Khakassia*. Abakan: Khakassia book publishing house, 2010. 128 p. (in Russ.)
23. Marsadolov, L. S. On the Date of Mayemir "Hoard" in the West Altai. (in Russ.) *Hoards. Composition, chronology, interpretation*. St. Petersburg, 26-29 November, 2002. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University, 2002. Pp. 217-221.
24. Marsadolov, L. S. "Deer" Stones from the Village of Arghan in Central Asia. (in Russ.) *Antiquities of Eurasia from the Early Bronze Age to the Early Middle Ages*. Moscow: Russian Academy of Sciences Institute of Archeology, 2005. Pp. 301-311.
25. Marsadolov, L. S. Paleoastronomy, Metrology and Religious Aspects of Large Burial Mounds and Sanctuaries of Southern Siberia in the 1st millennium BC. (in Russ.) *Astroarchaeology as a Scientific Instrument of Knowledge by Protoscience and Astral Priestly Religions of Ancient Cultures of Khakassia*. Krasnoyarsk: "Gorod", 2009. Pp. 59-72.
26. Marsadolov, L. S. Artistic Images and Ideas of the Great Steppe Eurasia Way in IX-VII Centuries BC. (in Russ.) *International Conference on Primitive Art. Kemerovo, 3-8 August, 1998*. Kemerovo: Kemerovo State University, 1999. Vol. 1. Pp. 152-163.
27. Masson, V. M. The Ancient Civilizations of the East and the Steppe Tribes in the Light of the Data of Archeology (in Russ.) *Stratum plus*. No. 2. 1999. Pp. 265-285.
28. Matyushchenko, V. I. Western Siberia and the Sayano-Altai Mountains in the Neolithic and Bronze. (in Russ.) *The Era of Stone and Paleometal in the Asian Part of the USSR*. Novosibirsk: Nauka, 1988. Pp. 45-49.
29. Machinsky, D. A. Unique Sacral Center of III-mid-I millennium BC in the Khakass-Minusinsk Basin. (in Russ.) *Okunevskiy sbornik*. St. Petersburg: Nauka, 1997. Pp. 265-287.
30. Merpert, N. Ya. and Munchaev, R. M. Early Agricultural Settlements of Northern Mesopotamia. (in Russ.) *Sovetskaya arkheologiya*. No. 3. 1971. Pp. 141-169.
31. Molodin, V. I. *Baraba in the Bronze Age*. Novosibirsk: Nauka, 1985. 200 p. (in Russ.)
32. Novgorodov, E. A. *World of Petroglyphs in Mongolia*. Moscow: Nauka, 1984. 168 p. (in Russ.)
33. Novgorodova, E. A. *Central Asia and the Problem of Karasuk*. Moscow: Nauka, 1970. 189 p. (in Russ.)
34. Okladnikova, E. A. Cultural Contacts of Ancient Eurasia: Species and Artefacts (On the Question of paleoglobalization). (in Russ.) *Homo Eurasicus in Social Communications Systems*. Moscow: Direkt-Media, 2015. Pp. 145-204.
35. Okladnikova, E. A. An Aspect of Paleo-calendar of Petroglyphs of Kalbak-Tash Mount (Gorny Altai). (in Russ.) *Sixth Bersovskie reading*. Yekaterinburg: «KVADRAT», 2011. Pp. 171-178.
36. Okladnikova, E. A. Petroglyphs of Kalbak-Tash Mount (Gorny Altai): The Image of a Fiction Predator. (in Russ.) *The Cultures and Peoples of North and Central Asia Within the Context of Interdisciplinary Studies*. Iss. 3. Tomsk: Tomsk State University, 2013. Pp. 267-272.

37. Okladnikova, E. A. Petroglyphs of Kalbak-Tash. (in Russ.) *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Series of social sciences*. No. 11. Iss. 3. 1981. Pp. 61–64.
38. Okladnikova, E. A. Lattice figures of Kalbak-Tash Mount (Gorny Altai). (in Russ.) *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. No. 3 (47). 2011. Pp. 120-127.
39. Okladnikova, E. A. *Sacred Landscape: Theory and Empirical Research*. Moscow–Berlin: Direkt-Media, 2014. 230 p. (in Russ.)
40. Okladnikova, E. A. *The Path of Koguldey*. Leningrad: Lenizdat, 1990. 189 p. (in Russ.)
41. Pogozheva, A. P., Rykun, M. P., Stepanova, N. F. and Tur, S. S. *The Eneolithic and Bronze Age of the Altai Mountains*. Part 1. Barnaul: Azbuka, 2006. 234 p. (in Russ.)
42. Savinov, D. G. About the Style of "Skinny Bulls" in the Okunev Figurative Tradition. (in Russ.) *Pictorial Monuments: The Style, the Epoch, the Compositions*. St. Petersburg: Eleksis Print, 2004. Pp. 246-254.
43. Savinov, D. G. and Podol'skiy, M. L. Introduction. (in Russ.) *Okunevskiy sbornik*. St. Petersburg: Nauka, 1997. Pp. 5-6.
44. Svyatopolk-Chetvertynsky, I. A. Sumerian-Babylonian Calendar and the Symbolism of Sacrifice (in Russ.) *Astronomy of Ancient Societies*. Moscow: Nauka, 2002. Pp. 129-134.
45. Sedykh, V.N. On the Monuments of the Art of the Epoch of Early Nomads of the Abakan Steppe (in Russ.) *Eurasia Through the Centuries*. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University, 2001. Pp. 133-136.
46. Sedykh, V. N. and Marsadolov, L. S. On the Possible Prototypes of Tagar Bronze Pommels. (in Russ.) *Teoriya i praktika arkhelogicheskikh issledovaniy*. Iss. 5. Barnaul: Azbuka, 2009. Pp. 101-110.
47. Smirnov, A. M. The Plot of "Shelter for Cattle and Animals" on Eneolithic Steles on the Black Sea: A Variant of Analogies and Interpretation. (in Russ.) *Stratum plus*. No. 2. 2000. Pp. 571-583.
48. Chernikov, S. S. *Riddle of the Golden Mound. "Scythian Art" Where and When Was Born*. Moscow: Nauka, 1965. 189 p. (in Russ.)
49. Chlenova, N. L. *The Origin and Early History of the Tagar Culture Tribes*. Moscow: Nauka, 1967. 300 p. (in Russ.)

50. Schmidt, K. *They Built First Temples. The Mysterious Sanctuary of Stone Age Hunters. Archaeological Discoveries in the Göbekli Tepe*. St. Petersburg: Aleteiya, 2011. 540 p. (in Russ.)
51. Lamberg-Karlovsky, C. C. The Oxus civilization: The Bronze Age of Central Asia. *Antiquity*. Vol. 68. No. 259. 1994. Pp. 353-354.
52. Okladnikova, E. *Paleoglobalization: the symbolism of prosperity and evil in rock art of Ancient Eurasia*. (2015) <https://www.academia.edu/19871924/>
53. Schmidt, K. *Göbekli Tepe. The Oldest Temple Builders*. Trans. Rüstem Aslan. Istanbul: Archeology and Art Publications, 2007. 320 p. (in Turkish)

ОБ АВТОРАХ:

Окладникова Елена Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра социологии и религиоведения, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Наб. Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург, 193000, Россия. E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

Марсадолов Леонид Сергеевич, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник, Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, г. Санкт-Петербург, 190000, Россия. E-mail: marsadolov@hermitage.ru

ABOUT AUTHORS:

Elena A. Okladnikova, Doctor of History, Professor, Department of Sociology and Religious Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., St. Petersburg, 193000, Russia. E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

Leonid S. Marsadolov, Doctor of Cultural Studies, Leading Researcher of the State Hermitage Museum, 34 Dvortzovaya Emb., St. Petersburg, 190000, Russia. E-mail: marsadolov@hermitage.ru